

«Говорить о том, подходит ли это или нет, слишком банально, говорить о любви или нет — это вопрос сердца. Любовь — это наше решение, и нам не нужно никого слушать, даже если это удивляет кого-то».

Сяо Цзин не пел, но слушал очень внимательно. «Вокруг тебя всегда толпятся люди с цветами», «я должен победить всех соперников», «любовь — это наше решение, и нам не нужно никого слушать»... Слова песни всегда такие прекрасные, а реальность полна забот. Он тоже взял бутылку пива и, под аккомпанемент веселой мелодии и горьких слов, сделал глоток.

Шэнь Тан быстро нашел общий язык с группой сотрудников, пил, играл в кости и веселился. Но, поскольку на следующий день предстояло сниматься, к половине первого ночи Сун Цзюнь решительно остановил веселье. Все ворчали, но послушно разошлись.

Мир взрослых именно таков: как бы ты ни веселился на вечеринке или с алкоголем накануне, на следующий день ты должен быть в костюме и галстук, готовым к работе.

Шэнь Тан был слегка пьян, но не сильно. Вечер был посвящен веселью, и это не было похоже на традиционные застольные посиделки. Вернувшись в отель, он не проявлял никаких признаков опьянения. Сяо Цзин, наблюдая за ним, вдруг вспомнил тот случай, когда после встречи с режиссером Дуань Чэнъином Шэнь Тан напился до беспамьятства и на следующее утро оказался голым в его постели. Теперь, увидев его ясные и блестящие глаза, он почему-то почувствовал разочарование.

Съемки фильма подходили к концу, и, как говорили, дата премьеры уже была назначена. Последняя большая сцена снималась три дня, и, поскольку времени было достаточно, Сун Цзюнь стремился к совершенству в каждой детали. На третий дубль он наконец сказал «снято», и Шэнь Тан с облегчением сел на складной стульчик, который принес его ассистент Цю Ян.

Ли Ли, как обычно, подошел узнать новости. В последнее время он становился все более беспокойным.

— Брат Сяо Тан, скажи, эта акция вообще стоит того? Почему она так долго не двигается? — спросил он.

Шэнь Тан сделал вид, что раздражен:

— Всего несколько дней прошло, разве государственные предприятия реорганизуются за полмесяца?

Ли Ли усмехнулся:

— Просто я нервничаю. Я ведь вложил все свои сбережения.

Шэнь Тан ответил:

— Кто не вложил? Я тоже все свои деньги туда бросил. Только терпеливые могут добиться успеха, брат.

Он похлопал Ли Ли по плечу:

— Если ты боишься, просто продай.

Ли Ли закусил губу. Если продать сейчас, он бы не потерял деньги, но, вспомнив, что все свои сбережения, срочные вклады, текущие счета, инвестиции и акции он перевел в эту акцию, он не мог просто так сдаваться. К тому же все акции, которые Шэнь Тан покупал раньше, приносили прибыль, и он всегда точно знал, когда они упадут.

Если бы Шэнь Тан не имел внутренней информации, кто бы поверил? Видя, что Шэнь Тан раздражен, Ли Ли не стал продолжать расспросы. Ладно, пусть будет как будет! Как сказал Шэнь Тан, максимум полгода, и если ничего не изменится, можно будет продать. Это просто обычные акции, иногда прибыль, иногда убытки.

Решившись, Ли Ли улыбнулся:

— Брат Сяо Тан, я не такой, как вы. У меня нервы слабые, и я всегда переживаю из-за денег. Но я верю вам!

Шэнь Тан поднял глаза. Его большие и яркие глаза выглядели безобидно, и он слегка улыбнулся:

— Вот и правильно. Твои деньги — это мелочь по сравнению с моими. Если акции упадут, крупные инвесторы поддержат!

Ли Ли поспешно согласился, а Шэнь Тан уже думал о том, что его деньги заморожены, но у него еще есть недвижимость. В прошлой жизни ты подкупил врача, и ты любишь деньги? Тогда я заставлю тебя постепенно отдать свои сбережения.

Клерк подбежал к Шэнь Тану:

— Учитель Сяо Тан, режиссер Сун сказал, чтобы вы подготовились к последней сцене. Постараемся сегодня завершить съемки.

Шэнь Тан улыбнулся:

— Режиссер Сун больше не хочет мучить нас?

Клерк ответил:

— Я только что слышал, что банкет уже заказан, а брат Цзин попросил Цай Хао привезти целый багажник Маотая.

Шэнь Тан усмехнулся:

— Целый багажник Маотая? Это будет вечеринка до утра.

Как инвестор, Сяо Цзин, должно быть, заработал немало, раз может себе позволить такие траты. В съемочной группе несколько сотен человек, и только на алкоголь уйдет немало. Более того, если сразу наливают крепкий алкоголь, вечер обещает быть жестким. Шэнь Тан тихо приказал своему ассистенту Цю Ян:

— Приготовь мне две бутылки йогурта.

Пить придется, и напиться — это тоже ожидаемо, но лучше не доходить до рвоты, как в прошлый раз. Сначала выпью две бутылки йогурта, чтобы защитить желудок.

Последняя сцена — это штурм логова главного злодея. Сяо Цзин, Шэнь Тан, Тан Юйсюань и

Юань Маньмань вместе сражаются с боссом. У босса, «Старца Сяояо», множество последователей, но он трусливо прячется в своем логове, одетый в черную одежду, черный плащ и черную шляпу, полностью скрывая свое тело.

Как только они вошли в тайную комнату, их поджидала засада. Кто-то был ранен, кто-то отравлен. Сяо Цзин, играющий даоса Су Гэнъи, был тяжело ранен, но неожиданно одним ударом меча сбил плащ «Старца Сяояо». Все актеры синхронно вскрикнули!

Под плащом оказался актер, лицо и тело которого были покрыты зелеными точками — зрелище, от которого у любого с плотной фобией мурашки по коже.

По сценарию, внешний вид финального босса должен быть таким: истощенное тело с гнилой кожей, висящей на костях, половина лица целая, а другая половина впалая, как у мумии. Но такой «утонченный» макияж невозможно сделать с помощью грима, поэтому лучше использовать технологию LED-захвата и компьютерной обработки, чтобы с помощью зеленых точек захватить движения и мимику актера, а затем синтезировать их в постобработке.

В готовом фильме это будет выглядеть как ужасный финальный босс, сражающийся с благородными героями, но на съемочной площадке это просто группа актеров в костюмах, которые смотрят на человека, похожего на больного ветрянкой, с гримасами на лице, под присмотром камер и сотрудников.

Быть актером — это непросто.

В этот момент Юань Маньмань вскрикнула:

— Ты — Кан Вэйцин! Тот даос, которого убил Фэн Чанхай!

Босс, воспользовавшись замешательством, засмеялся зловещим смехом:

— Да, это я!

Тогда другой злодей, «Фэн Чанхай», казалось, не мог поверить своим глазам. Человек, которому он служил, оказался его старым другом, которого он сам убил много лет назад! Босс повернулся к «Фэн Чанхаю»:

— Теперь ты все знаешь, и, вероятно, больше не будешь мне служить. Я хотел оставить тебя на несколько лет, чтобы ты был моей собакой... Ладно!

С этими словами босс махнул рукой, и Фэн Чанхай словно был схвачен за горло. Он несколько раз дернулся и тут же умер!

Затем босс атаковал Сяо Цзина! После нескольких красивых ударов Сяо Цзин начал уставать. Камера переключилась на Шэнь Тана, который, казалось, принял какое-то решение. Он использовал свой козырь — яд, который был настолько очищен, что даже обрел духовность. С помощью крови он нанес боссу мощный удар!

Босс тут же схватился за грудь и отступил, громко закричав. Он махнул рукой, и Шэнь Тан упал, исторгая кровь изо рта. Босс начал бесноваться:

— Даже если я умру здесь, я заберу вас всех с собой! Ха-ха-ха!

Затем он бросился на Сяо Цзина. В этот момент Юань Маньмань встала перед ним и была

пронзена мечом. Тан Юйсюань вскрикнул первым:

— Цинцин!

Затем камера переключилась на следующий кадр, где Юань Маньмань была заменена на искусственную лису.

Героиня, спасшая своего возлюбленного, погибла на месте, превратившись в свою истинную форму. Но сила, исходящая из ее тела, была огромной. Черное кольцо на шее лисы внезапно засияло ярким синим светом!

Сяо Цзин, увидев, как его возлюбленная умирает перед ним, начал вспоминать свою прошлую жизнь. Сила древнего божества вдруг стала подконтрольной ему. Босс, который был в восторге, был раздавлен силой Сяо Цзина, вызванной яростью!

Авторское примечание:

Сяо Цзин: Я явно люблю тебя.

Шэнь Тан: Кто это — «явно»?

Явно: Кто меня зовет?

Сяо Цзин/Шэнь Тан: Отвали!

<http://bllate.org/book/16322/1472912>